

АНДРЕЙ ФУРСОВ

## “РЕФОРМА” ОБРАЗОВАНИЯ СКВОЗЬ СОЦИАЛЬНУЮ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКУЮ ПРИЗМУ

Сфера образования в последние годы стала полем самого настоящего сражения между сторонниками его реформирования и их противниками. Противники – профессионалы, родители, общественность; сторонники – главным образом чиновники и обслуживающие их интересы “исследовательские структуры” – продавливают “реформу”, несмотря на широкие протесты. Пишу слово “реформа” в кавычках, поскольку реформа – это нечто созидательное. То, что делают с образованием в РФ – это разрушение, сознательное или по глупости, некомпетентности и непрофессионализму, но разрушение. Отсюда – кавычки.

Одной из линий противостояния “реформе” образования была и есть критика Закона об образовании, других нормативных актов, выявление их слабых мест, нестыковок и т. д. Здесь уже сделано немало и с большой пользой. В то же время возможен и другой подход: рассмотрение комплекса “реформаторских” схем и документов – ЕГЭ, Федеральный государственный образовательный стандарт (далее – ФГОС), Болонская система (далее – БС) – в целом как некоего общественного явления, в более широком социальном и геополитическом (геокультурном) контексте, а также в плане информационно-культурной безопасности страны, которая в современном мире является важнейшей составляющей национальной безопасности. Значение социального контекста понятно: любые реформы, тем более в образовании, всегда связаны с интересами тех или иных групп, учреждений, имеют социальные цели.

“Геополитический контекст образовательной реформы” – такая формулировка на первый взгляд может вызвать удивление. Однако сегодня, когда геополитические противостояния приобретают всё более выраженный информационный характер, когда политическая дестабилизация достигается с помощью информационных войн, то есть информационно-культурного воздействия на сознание и подсознание групп и индивидов, а результат этого воздействия во многом зависит от уровня образования объекта воздействия (чем выше уровень образования, тем труднее манипулировать человеком), состояние образования становится важнейшим фактором геополитической

---

*ФУРСОВ Андрей Ильич — директор русских исследований Московского гуманитарного университета, академик Международной академии наук (Мюнхен, Германия).*

борьбы. Не менее важным, чем, скажем, уровень социальной поляризации, измеряемый такими показателями, как индекс Джини и децильный коэффициент. Я имею в виду то, что если, например, система образования способствует росту поляризации (вплоть до состояния “двух наций”, как это было в Великобритании в середине XIX в. или в России в начале XX в.), то она работает на обострение социальной напряжённости, а следовательно, снижает уровень не только внутренней (социосистемной), но и внешней (геополитической) безопасности общества.

“Для затравки” в статье будут кратко охарактеризованы последствия “реформы” образования, проводимой под “мудрым” руководством Андрея Александровича Фурсенко; затем мы поговорим о социальном аспекте и возможных социальных результатах снижения уровня образования; далее мы кратко “пробежимся” по структурам, готовившим реформу, – этот вопрос почему-то остаётся в тени. Следующий пункт – вопрос о том, как “реформа” образования может повлиять на положение РФ в международном разделении труда и как она соотносится с провозглашённым курсом на модернизацию. Скажу сразу: она противоречит этому курсу и, более того, подрывает его. Неудивительно, что, во-первых, деньги на реформу образования в РФ выделил Всемирный банк, решивший зачем-то (действительно, зачем?) облагодетельствовать Россию. Во-вторых, в РФ, словно стервятники на падаля, потянулись представители “хитрых” западных структур, за научным и неправительственным благообразным статусом которых скрываются большие и острые зубы хищников. Почему-то для проникновения в Россию эта публика избрала именно сферу “реформируемого” образования, те образовательные учреждения, которые “на ура” принимают реформу. Как заметил в своё время Пётр Васильевич Палиевский, булгаковский Воланд бессилен против здорового, он цепляет только то, что подгнило изнутри. Понятно, что для успеха информационно-психологической войны превращение образования в сеть, “населённую” легко манипулируемыми “сетевыми человеками”, – это беспроигрышный ход в мировой борьбе за власть, ресурсы и информацию. Поэтому сегодня образование – это намного больше чем образование, это будущее, битва за которое уже началась и проигрыш в которой означает выпадение из Истории. Итак – по порядку.

### Последствия под следствием

Если говорить о последствиях “реформы”, то **первое** – это значительное падение уровня образования и подготовки учащихся в средней и высшей школе как результат введения ЕГЭ и БС. Как человек, почти 40 лет преподающий в высшей школе, свидетельствую: егэизированные студенты – это демонстрация культурно-образовательной варваризации и информационной бедности. Если в последние 25–30 лет культурно-образовательный уровень выпускников школ снижался постепенно, то несколько егэшных лет не просто резко, а катастрофически ускорили этот процесс. Лучшее, чем ЕГЭ, средство перспективной дебилизации и культурно-психологической примитивизации подрастающего поколения придумать трудно.

У снижения уровня интеллекта и эрудиции как результата реформы есть ещё два аспекта, крайне губительных для развития умственно-образовательного потенциала. Речь идёт о дерационализации мысли и сознания и о деформации исторической памяти.

Уменьшение числа учебных часов по таким предметам, как математика и физика, фактическое изгнание из школьной программы астрономии – всё это не просто сужает и обедняет картину мира учащегося, но непосредственно ведёт к дерационализации сознания. Сегодня широко распространяется вера в иррациональное, магическое, в волшебство; пышным цветом расцветают астрология, мистика, оккультизм и прочие мракобесные формы; кино (далеко ходить не надо – сага о Гарри Поттере) рекламирует нам возможности магии, чудес. В таких условиях уменьшение часов по естественно-научным дисциплинам работает на триумфальное шествие мракобесия, на то, чтобы астрология в сознании заняла место астрономии, дезориентируя людей и облегчая манипуляцию: человеку, верящему в чудеса, легко “впарить” любую пропаганду, не имеющую рациональной аргументации. Создаётся впечатление, что все эти манипуляции со школьной программой, помимо прочего,

должны подготовить людей к принятию нового типа власти — магической, основанной на претензии на волшебство, на чудо, в реальности оборачивающееся чем-то похожим на пляски на сцене в голом виде героев “Приключений Гекльберри Финна”. Но это палка о двух концах.

Не меньший ущерб несёт тот факт, что курсы по истории по сути либо устранены из программ всех факультетов, кроме исторических, либо существенно сжаты. Следствие — утрата исторического видения, исторической памяти. Результат — студенты не могут назвать даты начала и окончания Великой Отечественной войны, полёта Гагарина в космос, Бородинского сражения. В этом году я впервые столкнулся со студентом, который никогда не слышал о Бородинском сражении; “бородинский” у него ассоциируется только с хлебом. Ясно, что ухудшение (мягко говоря) исторической памяти, особенно в том, что касается русской истории, не способствует формированию патриотизма и гражданственности; деисторизация сознания оборачивается денационализацией.

Там, где заканчивает свою деятельность ЕГЭ, эстафету подхватывает БС. Я неоднократно негативно высказывался по поводу БС (см. интернет), поэтому не буду повторяться, отмечу главное. Введение четырёхлетнего бакалавриата вместо пяти лет нормального обучения превращает высшую школу в нечто весьма напоминающее ПТУ, приземляет её, и если для институтов эта практика очень плоха, то для университетов — катастрофична, университет уничтожается как общественное и цивилизационное явление. В плане образовательном БС с её “модульно-компетентным подходом” по сути уничтожает кафедру как базовую единицу организации вуза/университета; “компетенции” — плохо связанные между собой прикладные информкомплексы или “умелости” — подменяют реальное знание. Объективно БС делит вузы вообще и университеты в частности на привилегированное меньшинство с собственными дипломами, программами и правилами и непривилегированное большинство; образовательные стандарты при этом снижаются в обеих “зонах”, но во второй — в значительно большей степени. Привилегированность и престижность оборачиваются более высокой платой за обучение, что ещё более увеличивает социальные различия и разрыв в сфере образования.

**Второе.** Когда-то нас страстно убеждали, что введение ЕГЭ снизит уровень коррупции в образовательной сфере. В реальности — и об этом сегодня не пишет и не говорит только ленивый — всё вышло с точностью до наоборот. ЕГЭ создал условия и стал толчком для существенного роста коррупции в сфере образования, что опять же не может не сказаться на уровне подготовки школьников и студентов, с одной стороны, и профессионализма преподавателей, с другой. Таким образом, увеличив коррупцию в сфере образования, в общесоциальном плане ЕГЭ привёл к росту уровня коррупции в обществе в целом. Понятно, что от коррупции вообще и в сфере образования в частности выигрывают те, у кого административные позиции и деньги; то есть “реформа” и здесь усиливает социальное неравенство и социальную поляризацию, а следовательно — социальную напряжённость. Лучшего средства, чем ЕГЭ, чтобы распространить коррупцию из высшей школы в среднюю, значительно расширить и углубить зону действия коррупции, найти трудно. В этом плане можно сказать, что, помимо страшного удара по качеству образования и морали многих занятых в этой сфере, внедрение ЕГЭ стало одним из направлений наступления коррупционеров на общество.

**Третье.** ЕГЭ и в ещё большей степени БС резко увеличили уровень бюрократизации образовательной сферы. Так, с внедрением БС в вузах появилось большое число “специалистов” по Болонской системе, проверке её реализации как “инновационной формы образования” и т. п. А у преподавателей появилась новая, съедающая много времени, забота: приведение обычной научно-педагогической деятельности в соответствие с формальными требованиями БС. Преподаватель должен всё больше беспокоиться о формальной стороне дела, тратить на неё время — тут уже не до содержания. Ясно, что в наибольшей степени готовы зацепиться за форму и сконцентрироваться на ней далеко не лучшие, не самые профессиональные и творческие преподаватели. Таким образом, БС выгодна откровенной серости. Ну а о том, что БС создаёт райские условия для чиновников от образования, я молчу.

Меняя соотношение между формальной и содержательной сторонами образовательного процесса в пользу первой, БС не только способствует ухудше-

нию качества образования, не только оттирает профессионалов дела на второй план, ухудшая их позицию по сравнению с начётчиками и очковтирателями (чего стоит один лишь призыв ежегодно менять читаемые курсы, вводя новые – ведь известно, что новый курс требует 3–4 года обкатки; ясно, что подобного рода призывы – плод игры ума либо профнепригодных, либо просто проходимцев), но и меняет в высшей школе соотношение преподавателя и чиновника в пользу последнего. Здесь “два шара в лузу”: в профессиональной сфере – снижение уровня образования; в социальной – усиление позиций чиновника. Иными словами, БС как союз “серых” в конкретных условиях РФ становится ещё одним средством развития (в данном случае – для сферы образования) общей тенденции увеличения числа чиновников и их власти над профессионалами.

**Четвёртое.** Всё это вместе взятое способствует дальнейшему росту некомпетентности и непрофессионализма как социального явления. “Реформа”, таким образом, не только гробит образование, то есть отдельно взятую сферу общества (правда, эта “отдельно взятая сфера” воздействует на все остальные и определяет будущее страны), но и понижает общесоциальный уровень профессионализма, препятствуя профессионализации социума, которая является необходимым условием провозглашённой модернизации. Получается, что как в частном, так и в общем “реформа” образования не просто препятствует модернизации, а блокирует её, лишая будущего – модернизацию и общество. Сохранение курса на проводимую “реформу” образования и одновременно призывы к модернизации есть не что иное, как проявление когнитивного диссонанса.

**Пятое.** Необходимо выделить в качестве отдельного следствия то, о чём выше говорилось вскользь – усиление социального разрыва между различными слоями и группами как результат “реформ”. Точнее будет сказать так: социальный разрыв приобретает мощное культурно-информационное измерение, а поскольку, как нам говорят, мы вступили или вступаем в информационное общество, то именно это измерение становится решающим, главным, системообразующим или даже классообразующим. Если информация становится решающим фактором производства, то доступ к ней (обладание ею, распределение её как фактора, играющего системообразующую роль в совокупном процессе общественного производства) становится главным средством и способом формирования социальных групп, их места в общественной “пирамиде”. Доступ к этому решающему фактору, точнее степень доступа, обеспечивается образованием, его качеством и объёмом. Снижение качества образования при уменьшении его объёма (от введения базовых бесплатных и “дополнительных” платных предметов до введения бакалавриата – абортивной формы высшего образования) превращает индивида и целые группы в информационно бедных, легко манипулируемых, короче – в низы информационного общества, практически лишая их перспектив улучшения своего положения, то есть выталкивая из социального времени.

### **Хотели как лучше, а получится как?**

Вообще нужно сказать, что “производство” низов “постиндустриального”/“информационного” общества стартовало на Западе ещё в 1970-е годы, а развернулось в 1980-е одновременно с распространением так называемой “молодёжной культуры” (“рок, секс, наркотики”), разработанной в спецучреждениях по заказу верхушек Запада, движением сексменьшинств, распространением фэнтэзи (и вытеснением **научной** фантастики, которая сегодня весьма популярна в Китае), ослаблением национального государства, наступлением верхов на средний слой и верхушку рабочего класса (тэтчеризм и рейганомика). То есть это часть пакета неолиберальной контрреволюции, означающей не что иное, как глобальное перераспределение факторов производства и дохода в пользу богатых, то есть поворота вспять тренда “славного тридцатилетия” (Ж. Фурастье) 1945–1975 гг.

Информация – фактор производства, и упрощение, снижение культуры (“большой друг” России и особенно русских Збигнев Бжезинский называет этот процесс “титтейнмент”) и рассматривает его в качестве одного из видов психоисторического оружия, позволившего Америке одерживать её победы, в том числе над СССР/Россией) и прежде всего образования есть не что иное,

как отчуждение этих факторов в качестве строительства будущего общества, создания его верхов и низов, его “haves” и “havenots”. В последние годы мы видим этот процесс и в РФ, однако в русских условиях создание “информационно бедных низов” штука опасная: у нас не сытая Европа, у нас нет такого нароста социального жирка, который можно какое-то время проедать, как там, у нас другие традиции социальной борьбы, у нас другой народ, другая история.

А ведь в нашей истории уже была однажды сознательная попытка резко снизить образовательные стандарты, оболванить население и таким образом сделать его более внушаемым и послушным. Я имею в виду мероприятия в сфере образования в эпоху Александра III (далеко не худшего русского царя, а вот поди ж ты, купился на глупость), прежде всего смещение центра тяжести в начальной школе на церковно-приходские школы (дерационализация сознания) и циркуляр от 18 июня 1887 г. (так называемый “указ о кухаркиных детях”). Им министр просвещения Иван Давыдович Делянов, для своего времени фигура не менее одиозная, чем А. А. Фурсенко для нашего, резко ограничил доступ к образованию представителям низших сословий, то есть малоимущих групп при сохранении доступа к образованию для тех, кто, как говорил один из гоголевских героев, “почище-с” (аналог введения в РФ платного образования в высшей школе и плана введения в начальной и средней школе платных дисциплин при обязательном бесплатном минимуме-минимуме). Делалось это, чтобы, повторю, превратить низы в послушное манипулируемое стадо и избежать революции европейского образца. Революцию европейского образца счастливо избежали. Не избежали революцию русского образца, намного более жестокую и кровавую. Более того, деляновская “реформа” образования сыграла свою роль и в приближении революции, и в её кровавости.

Суть в следующем: “дурилка” в образовании, конечно же, делает людей менее развитыми, они не умеют чётко формулировать свои интересы и требования, их легче дурачить, вешая на уши “лапшу” обещаний. Но это — до поры, пока не клюнет “жареный петух”, то есть пока не возникнет аховая социальная и экономическая ситуация, ведь её образовательной “дурилкой” не разрулишь. А вот когда клюнет, неразвитость масс, их малая образованность или просто необразованность начинает играть роль, противоположную той, на которую рассчитывают авторы схемы “даёшь уровень образования ниже плитуса”. Во-первых, малообразованными людьми легче манипулировать не только правящей элите, но и контрэлите, особенно, когда она имеет финансовую поддержку из-за рубежа. Именно это и произошло в 1917 году, когда международные банкиры и российские революционеры бросили российскую массу на правящий слой. Во-вторых, чем менее образован человек, тем менее он способен **сознательно** руководствоваться национально-патриотическими идеалами, а следовательно, защищать родину и верхи от внешнего врага (например, поведение в 1916–1917 гг. на фронте русского крестьянина, одетого в военную шинель). В-третьих, чем менее образован и культурен человек, тем в большей степени он руководствуется инстинктами, нередко зверскими (А. Блок: “развязаны дикие страсти под игом ущербной луны”), тем труднее воздействовать на него словом и тем вероятнее, что в “ущербных” условиях кризисной или просто тяжёлой ситуации на попытку рациональной аргументации власти он ответит дреколем и вилами. И нельзя сказать, что такой ответ является исторически полностью несправедливым.

Дореволюционные верхи забыли (а может, не знали) строки, написанные Михаилом Юрьевичем Лермонтовым ещё в 1830 году (опубликованы в 1862 году):

*Настанет год, России чёрный год,  
Когда царей корона упадёт;  
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,  
И пища многих будет смерть и кровь;  
[...]  
В тот день явится мощный человек,  
И ты его узнаешь — и поймёшь,  
Зачем в руке его булатный нож.*

Эти строки имеет смысл учить наизусть всем, кто правит или собирается править в России, которую китайцы не случайно называют “э го” – “государство неожиданностей”, “затягивания и мгновенных перемен”. Крушения у нас действительно происходят мгновенно. Так, в 1917 году Россия самодержавная слиняла, как заметил Василий Васильевич Розанов, в два дня, самое большее в три. И никто не заступился (как в августе 1991 года за СССР), одним словом, “пропадай, погибай, именинница!”. И Дикая дивизия с гор не помогла. Вообще никто не помог.

В сухом остатке: игра на понижение образования в социальных целях, в частности, с целью усиления безопасности верхов и их манипулятивных возможностей недальновидна, опасна и контрпродуктивна. И чем беднее общество и хуже экономическая ситуация, тем опаснее и контрпродуктивнее – вплоть до социокультурной самоубийственности оборзевших верхов, как это произошло в России начала XX века, на которую в некоторых отношениях, хотя и далеко не во всех (прежде всего благодаря советскому наследию, а также из-за иной мировой ситуации), похожа РФ начала XXI века, особенно если взглянуть на разрыв между богатыми и бедными. Неужели грабли – любимый артефакт нашей истории?

Повторю: практически все названные выше последствия “реформы” образования видны уже сегодня, и со временем их пагубное воздействие на образование и общество, на будущее страны будет лишь расти, скорее всего, в геометрической прогрессии. Возникает вопрос: понимают ли те, кто их проталкивает, пагубность того, что сделано и делается ими? Если не понимают, то это законченные идиоты в строгом (греческом) смысле слова: по-гречески “идиот” – это человек, который живёт, не замечая окружающего мира. Если понимают, то тогда нужно называть вещи своими именами: речь должна идти о сознательной широкомасштабной и долгосрочной культурно-психологической, информационной диверсии, а по сути – войне против России, её народа, прежде всего – государствообразующего, русских. И это уже не идиотизм, а виновность в преступлении. Будучи людьми цивилизованными, мы избираем позицию презумпции невиновности, то есть в данном контексте исходим из версии “идиотизма”, то есть люди не понимают, что творят, не (пред)видят катастрофических последствий своей деятельности. Правда, если это так, то почему внедрить свою программу в жизнь они стремятся втихаря, без обсуждения, тайком? Чего боятся? Вопрос о том, как готовилась реформа, как шла подготовка, например, к “внедрению” закона об образовании или к введению ФГОСа заслуживает особого внимания, поскольку ответ на вопрос “как?” во многом проливает свет на вопросы “почему?”, “с какими целями?” и – в конечном счёте – на главный вопрос: *сuius bono*, то есть в чьих интересах. Итак, какие же структуры и под чьим руководством готовили “реформу”\*\*?

### **“Реформа” образования – авторы**

Вернёмся в конец 2010 – начало 2011 г., когда шла дискуссия о ФГОСе и о новом федеральном законе “Об образовании в Российской Федерации”. Оба документа подверглись критике: юристами – за несоответствие признакам кодифицированного акта, за отсутствие госгарантии права на обязательное образование; педагогами и родителями – за многие и многие существенные недочёты, рушащие образование. Похвалы ФГОС удостоился только у ректора ГУ-ВШЭ Ярослава Ивановича Кузьмина, сославшегося на авторитет Александра Огановича Чубарьяна и Александра Григорьевича Асмолова (выступление на телеканале “Россия-24”).

Разрабатывал ФГОС, созданный в 2006 году, Институт стратегических исследований в области образования (ИСИО) Российской академии образования (РАО); директор ИСИО – Пустыльник Михаил Лазаревич, кандидат химических наук; научный руководитель – член-корреспондент РАО Александр Михайлович Кондаков. Этот человек, который во время работы в Министерстве образования и науки вёл блок безопасности жизнедеятельности и гражданской обороны, в 2006 г. был избран членом-корреспондентом РАО. Одной из главных задач реформы г-н Кондаков видит в том, чтобы вписать российскую си-

\* Я благодарен К. А. Черемных за предоставленную информацию о ряде образовательных структур РФ и их руководстве.

стему образования в общемировую (для этого российскую систему нужно сначала разрушить? – спрошу я); г-н Кондаков убеждён, что в утечке мозгов ничего плохого нет, а интернет сам по себе – источник знаний, о чём он открыто говорит. А вот о том, что на структурную реформу РФ Всемирный банк выделил заём, он говорить не хочет. А хочет, естественно, защищать “реформу”, что он и сделал на заседании Госдумы 9 февраля в 2011 г. в тандеме с Исаком Давыдовичем Фруминим. Г-н Фрумин – научный руководитель Института развития образования ГУ-ВШЭ и по совместительству координатор Международных программ Международного банка реконструкции и развития (МБРР). По-видимому, МБРР очень беспокоится о российском образовании, наверное, у его руководства “об всех об нас душа болит и сердце щемит”. Этот институт тоже занимался разработкой ФГОС. Директор Института – Ирина Всеволодовна Абанкина, известная своими работами (например, “Культура безлюдья”), в которых утверждается необходимость слияния “затратных” сельских школ, библиотек в “интегрированные социальные учреждения” в крупных населённых пунктах. Я называю это просто: ликвидация культуры и образования на селе, а если добавить медицину – то и жизни в целом.

Необходимо также упомянуть ещё одну структуру, подвигающуюся на ниве реформирования нашего образования. Это Федеральный институт развития образования (ФИРО); первый гендиректор – Евгений Шлёмович Гонтмахер (ныне – зам. директора ИМЭМО РАН); зам. директора – Лейбович Александр Наумович, нередко представлявший себя в качестве генерального директора Национального агентства развития квалификаций при Российском союзе промышленников и предпринимателей; научным руководителем ФИРО был назначен экс-председатель Либерального клуба Евгений Фёдорович Сабуров.

Интересна история создания ФИРО. Произошло это 29.06.2005 года: согласно приказу № 184 на базе пяти центральных научно-исследовательских институтов (высшего образования, общего образования, развития профессионального образования, проблем развития среднего профессионального образования, национальных проблем образования) создавался один – ФИРО. То есть у пяти НИИ изымались здания, оборудование, другие материальные ценности и передавались созданному по мановению волшебной палочки новому НИИ.

Недавно ФИРО отметил предложение ещё одного нововведения – замены в младших классах учебников электронными ридерами. Эксперимент пройдёт в нескольких областях РФ. Медики бьют тревогу: неизвестно, как всё это скажется на здоровье (глаза, нервная система) детей. Медики говорят о необходимости проведения предварительных, как минимум полугодовых, исследований. Но “невтонам” из ФИРО всё это не указ; похоже, здоровье детей для них – абстракция; реальность – средства, выделенные для проведения эксперимента.

Список учреждений, готовивших реформу, можно продолжить, но суть уже и так ясна. Кроме того, о том, в каком реальном направлении движет наше общество реформа образования, можно судить по интервью самого А. А. Фурсенко “Московскому комсомольцу” (2010 г.), точнее, даже по одной фразе, удивительно откровенной.

### **Чем плоха советская система образования: версия А. А. Фурсенко и её скрытые шифры**

Министр заявил: главный порок советской школы заключался в том, что она стремилась воспитать человека-творца, задачей же школы РФ является подготовка квалифицированного потребителя, способного пользоваться тем, что создано другими.

Итак, воспитание творчества, человека-творца – это порок. До такой формулировки ещё никто не додумался, и в этом плане фразу г-на Фурсенко нужно заносить в Книгу Гиннеса. Это одна сторона. Другая сторона – как же хочется облить грязью СССР, перевернуть всё с ног на голову, найти пороки во всём, даже в творческом характере системы образования.

Но в данном контексте не это самое главное и самое важное, а другое. Внимание – министр говорит: будем готовить потребителей, способных пользоваться результатами деятельности (то есть творчества, созидания) других. Поскольку школа РФ созидателей-творцов не готовит, значит, объекты по-

требления для квалифицированных потребителей РФ будут создаваться за пределами РФ, за границей, так сказать в “царстве творческого порока”. А это значит, что люди в РФ будут иметь то, что им кинут из-за рубежа, и вряд ли им кинут лучшее, скорее — “на тебе, убоже, что нам негоже”. Как это происходит со странами Третьего мира, судьбу которых Фурсенко и команда “реформаторов” образования (как это следует из интервью и из всей “реформаторской” деятельности в области образования) готовит для РФ. Но ведь “за так” из Забугорья не дадут ничего, даже то, что не особо гоже. Значит, надо что-то предложить взамен. А что предложить, если сами ничего не творим, а живём в условиях тотального квалифицированного потребления? В таком случае отдавать можно лишь то, что либо создано ещё в советскую эпоху (многое уже отдали), либо вообще то, что не создано трудом, а является даром природы — сырьё, минералы, лес, наконец, пространство, территорию, которую можно использовать всяко-разно: и в качестве экологической зоны расселения “богатеньких буратинов” с их “мальвинами”, и в качестве помойки — склада ядерных отходов, на худой и крайний конец — в качестве “геополитической валюты”.

Таким образом, А. А. Фурсенко в своём интервью сформулировал программу такого образования (хотел написать: “создания такого образования”, но рука не поднялась — для этой цели не надо создавать, достаточно разрушать то, что есть — “до основанья” и без всяких “затем”, затем — тишина), которое навечно закрепляет за Россией статус сырьевой державы и резервной зоны “для тех, кто почище-с”, ну а развитые технологии, которые суть продукт творчества, будут потребляться оттуда, где они создаются — из зарубежья, с Запада, который такой подход к образованию РФ, естественно, вполне устраивает, поскольку навсегда вычёркивает Россию и русских из списка потенциальных конкурентов. Потребитель — не конкурент создателю, у потребителей нет шансов догнать создателя (тем более что если “не догнать” закрепляется определённой системой образования), у общества потребителей нет будущего. Собственно, нынешняя “реформа” образования, даже если её “конструкторы” ставили исключительно возвышенные цели (правда, возвышенные цели плохо стыкуются с потребительской установкой), объективно и есть выстрел в наше будущее, в наш суверенитет, в нашу цивилизацию, поскольку рано или поздно потребители, сколь бы высокой ни была их квалификация жрать, сопеть, переваривать и т. д., всё это потеряют, у них всё это отберут.

Стоп! А как же провозглашённый курс на модернизацию? Великое будущее? Здесь что-то не так. Либо своим интервью г-н министр делает добровольное признание в том, что ведёт диверсионно-подрывную работу, направленную на срыв модернизационных “планов партии и правительства”: модернизация — это творческий порыв, и осуществлять его могут только творцы. Либо от избытка интеллекта г-н министр выбалтывает реальные цели и планы по сырьевой консервации РФ, но тогда получается, что все разговоры о модернизации, как пел Галич, “это, рыжий, всё на публику”, это акция прикрытия некой базовой операции. То есть либо первое, либо второе. Если кто укажет третью возможную интерпретацию фразы г-на Фурсенко, буду премного благодарен, но дано ли третье?

Образование, консервирующее сырьевой (“потребленческий” в плане развитых технологий) статус РФ в международном разделении труда, естественно, устраивает Запад — конкуренты никому не нужны, не для того рушили СССР. Таким образом, с интересом определённых групп и ведомств внутри страны произвести на свет некое новое образование (похожее на новообразование) смыкается интерес нынешних хозяев мирового рынка, которые в октябре 1995 года устами президента Клинтона произнесли знаменитую фразу: “Мы позволим России быть. Но мы не позволим ей быть великой державой”. Неужели вновь возникает схема, известная нам по временам горбачёвщины, по перестройке, схема, уничтожившая СССР, — а именно блок интересов части верхушки мирового капиталистического класса и определённых групп внутри СССР? Похоже, в сегодняшней РФ тоже есть группы, которым распад страны позволил бы скрыть следы финансово-экономических преступлений — аналогичным образом руины СССР скрыли следы и улики “приватизации до приватизации”. Разумеется, определённые группы на Западе прекрасно это понимают, структуры, реализующие их интересы — как иерархические, так и ещё чаще сетевые, — стремятся найти уязвимые, гнилые и коррумпирован-



ные зоны в ткани постсоветского общества. Особым вниманием пользуются у них СМИ и сфера образования, именно по этим каналам они стремятся проникать в наш социум.

Деятельность этих структур отражает вполне определённые интересы, цели, главная из которых – не допустить восстановления экономической конкурентоспособности России, которая имело место (в лице СССР) даже в перестроечные 1980-е годы, которой так боялись на Западе (это открыто признала Тэтчер в 1991 году) и из-за которой главным образом и рушили СССР, спасая Запад, США от экономической, а следовательно, и социальной беды.

Когда-то Черчилль сказал о войне с Германией: мы воюем не с Гитлером, а с духом Шиллера – чтобы он никогда не возродился. То же могли и могут сказать “друзья” России – они не борются с конкретным режимом, они борются с духом Александра Сергеевича Пушкина, чтобы он не возродился. Действуют разнообразно и в разных сферах: финансово-экономической, информационной, культурной, превознося и поддерживая то, что нарушает и разрушает традиции национальной культуры, откровенно глумится над ними (примеры последних лет – поставленные в Большом театре “Евгений Онегин” и “Руслан и Людмила”). Нас в данном контексте интересует всё же информационно-образовательная сфера, угрозы её использования определёнными структурами. С одной из них мы познакомим читателя.

### **Стервятники блогосферы**

В 1997 году в США при Гарвардском университете был создан Беркмановский центр изучения интернета и общества (Berkman Center for Internet and Society)\*. Основатели – Чарлз Нессон и Джонатан Цитрейн. Активно работали в Центре или под его эгидой Йохай Бенклер, Урс Гассер, Уильям Фишер, Бенджамин Эдельман, Ребекка Маккиннон, Этан Цукерман. Двое последних заслуживают внимания и как сотрудники Беркмановского центра, и как учредители Globalvoices (2006 г.) – организации, выполняющей весьма специфические задачи и связанной с весьма специфическими структурами. Маккиннон, помимо прочего, учредила “Корпус блоггеров”, занималась технической поддержкой тибетских и китайских диссидентских сайтов (чьи уши торчат здесь, объяснять не надо). Этан Цукерман известен и сам по себе, и как муж связанной с Globalvoices Рэйчел Баренблатт – ученицы каббалиста Залмана Шахтер-Шаломи, феминистки, сторонницы однополых браков (интересно, зачем замуж за Цукермана-то выходила?), имеющей сан раввина в Обновлённом движении Шахтер-Шаломи.

Следует обратить внимание на то, что сотрудники Центра вписаны и в другие неправительственные организации. Последние посредством этих связей превращаются в некую мегаструктуру со множеством щупалец, в совокупность совершенно разнородных составляющих, разнородных настолько, что вспоминается из Николая Алексеевича Заболоцкого:

*Всё смешалось в общем танце,  
И летят во все концы  
Гамадрилы и британцы,  
Ведьмы, блохи, мертвецы.*

Сотрудники Беркмановского центра занимаются социокультурными проблемами интернета, социальными сетями, феноменом блогосферы и так называемыми “когнитивными науками”. Именно через “реформируемое” образование, образование, из которого убраны “лишние знания”, которое способствует дерационализации, деисторизации и примитивизации сознания.

В последние годы Центр работал над двумя проектами: “Гражданское право в области информации” (поддержка тех, кто занимается онлайн-медиа, защита свободы слова в интернете) и “Интернет и демократия”. Главным объектом исследований и практических действий последнего проекта, реализовавшегося под руководством Брюса Этлинга, был Ближний Восток – араб-

---

\* Я благодарен К. А. Черемных, который обратил моё внимание на Беркмановский центр, его проекты и его деятельность в РФ.

ские страны и Иран. Проект получил полутораmillionный грант Инициативы ближневосточного партнёрства (“Middle East Initiative partnership”).

Вообще-то мы теперь хорошо знаем это “партнёрство”: Ирак/Саддам Хусейн, Ливия/Каддафи — далее везде: “мы летим к вам”.

Участники проекта изучали воздействие интернета и особенно блогосферы на общество и государство конкретной страны. “Главное направление удара” Этлинга и К<sup>о</sup> — консерватизм, который, по мнению “проектантов”, нужно втягивать в блогосферу и таким образом заставлять его играть “по правилам прогресса”; блогосфера должна заменить традиционные системы социальных связей и передачи информации (семья, государство) на сетевые и таким образом может трансформировать любой режим без революции, особенно если блогосфера развита достаточно широко и включает в себя широкие слои молодёжи, используя систему образования как сеть. Кстати, неудачи переворота, приуроченного к выборам в Иране, Этлинг и К<sup>о</sup> объясняют “недостаточным развитием блогосферы”.

Вот что интересно: от анализа арабо- и фарсиязычной блогосферы беркмановцы плавно и без излишнего шума перешли к изучению русскоязычной блогосферы и активизировали проникновение в Россию, а сферой проникновения выбрано образование.

13 и 17 мая 2010 года, как сообщил сайт Санкт-Петербургского филиала Государственного университета — Высшей школы экономики (далее — ГУ-ВШЭ), в этом заведении прошли две встречи представителей этого заведения и Беркмановского центра. Одна — в Москве, другая — в петербургском филиале. На встречах “вышки” и “беркманишки” были представлены проекты по блогосфере (“Mapping the Russian blogosphere”) и СМИ (“Mediacloud”). В октябре 2010 года в Институте мира при “Рэнд корпорейшн”, обслуживающей армию и разведслужбы США, состоялась презентация “Mapping the Russian blogosphere” — проекта, обсуждавшегося пятью месяцами ранее в Москве. Как сказал бы о такой скорости незабвенный Твардовский, “хорошо работать можешь, очень хорошо, старик”.

Кто-то задумается: почему именно на ГУ-ВШЭ пал выбор беркмановцев в развитии их деятельности в РФ? Можно лишь высказать догадки. Беркмановский центр выставляет себя борцом за права человека (в интернете), выступает с либеральных позиций. ГУ-ВШЭ открыто позиционирует себя как либеральный вуз, от его представителей приходится слышать о том, что гуманитарный образовательный цикл должен способствовать выработке либерального мировоззрения. А ведь как наши “либералы” кляли коммунистов за идеологизированность образования. Ну да простым болезным — сами ведь из коммунистов вышли, но не только поэтому слово “либералы” применительно к РФ я беру в кавычки. Главное в том, что постсоветский “либерализм” — это всего лишь идейное прикрытие грабежа, бандитизма и криминального мошенничества, кстати, в том числе и в высшей школе, причём в вузах весьма именитых и престижных. Но, по-видимому, именно “либерализм” позволял жулью уходить от ответственности, меняя один вуз на другой.

Вернёмся, однако, к нашим догадкам по поводу причин выбора беркмановцев. Что может быть кроме идеологии и ценностей? Не знаю. Впрочем, значение этих факторов вообще не стоит переоценивать, прав Иммануил Валлерстайн: “Ценности становятся весьма эластичными, когда речь заходит о власти и прибыли”. Гораздо более важны причины выбора не конкретного вуза стервятниками блогосферы, а сферы проникновения — образования. Появление в Москве Этлинга и К<sup>о</sup>, фарсово напоминающее появление Воланда и его компании, указывает, во-первых, направление следующей после Ирана и арабских стран “деятельности” наёмников информационной войны; во-вторых, *locusstandi* и *field of employment* этой “деятельности”.

Ясно, чем примитивнее образование, тем легче превратить его в сеть и в таком качестве подключить к одной из глобальных сетей или ко всем сразу (Twitter, Facebook и др.). Ясно также, с какими целями и с каким результатом, ведь все эти сети контролируются американцами и по сути являются готовым оружием информационных войн. Только сильное, государственно-патриотически (а не глобально-космополитически) ориентированное образование может стать заслоном или даже контроружием в информационных войнах, эффективно подавляющим создаваемые анклав “пятих колонн” в сфере образования.

Всё сказанное выше особенно важно для России, поскольку наша страна, как следует из заявлений Лиона Панетты, главы Министерства обороны США (ранее — директор ЦРУ), наряду с Ираном, Белоруссией, Китаем, Индией и Бразилией находится в списке “target-nations”, то есть “государств-мишеней”. Относительно этих потенциальных государств-мишеней, помимо прочего, планируются “революции” с применением новейших коммуникационных и информационно-психологических (психоисторических) технологий, то есть эти страны — объект возможных информационных войн, главные удары в которых наносятся сетями, сетевыми структурами именно по когнитивной (в широком смысле слова) сфере, то есть по сознанию и подсознанию индивида и групп.

Для успешного использования указанную сферу надо подготовить, прежде всего — упростить сознание, примитивизировать, а по возможности — ликвидировать убеждения, максимально стереть историческую память, релятивизировать ценности, особенно традиционные, национально-исторические. *Homoretis* (сетевой человек) — должен иметь, как зафиксировано в инструкции образца аж 1994 года Международного республиканского института (International Republican Institute), мировоззрение, излагаемое всего одной фразой, социальную позицию — излагаемую тремя словами, которые должны действовать ударно, как хэштэги, и высказывать в сознании автоматически при появлении в сети определённого звукового или визуального сигнала, определённой фразы типа “грабь награбленное”, “долгой диктатуру” и т. п. Иными словами, мы имеем дело с самым настоящим зомбированием, а сеть структур, стоящая за этим, может квалифицироваться как тоталитарная сектосеть. Дерационализированное, избавленное от “излишних знаний”, деисторизированное сознание кардинально облегчает решение задач информационных войн. Перефразируя “болтун — находка для шпиона”, можно сказать: *Homoretis* — находка для “сетевиков” и их хозяев в борьбе с государствами-мишенями. В этом плане можно сказать, что образование, обрезанное по умыслу ли или по простоте, которая, как известно, хуже воровства, ослабляет национальную безопасность России, а заодно — безопасность психоисторическую и цивилизационную.

### Эффект бумеранга

Советское образование надо было реформировать. Но реформировать не значит разрушать, снижая образовательные возможности значительной части населения и ослабляя позиции страны в международной конкуренции. Отмечу особо, что нынешняя “реформа” образования бьёт не только по низам, но и по верхам, бумерангом возвращаясь к тем, кто её запустил. Конкурентоспособность страны, а следовательно, безопасность правящего слоя определяется, помимо прочего, уровнем образования населения. Страна с низким уровнем образования, а следовательно и её верхи, правящий слой, обречены. И хотя Бжезинский заметил, что если **ваша** элита держит деньги в **наших** банках, то это уже **наша** (то есть западная или западоидная) элита, в реальности не всё так просто, как кажется “Лонг Збигу”.

Далеко не всем и уж тем более не в их нынешнем качестве найдётся место на Западе, куда безопаснее на Родине. Разумеется, если она безопасна, если есть кому её эффективно защищать и осуществлять эффективную конкуренцию на мировых рынках, а для этого нужно уметь не только и не столько потреблять, сколько созидать. Получается, разрушение образования — это не только предательство по отношению к будущему страны, её народу, но и по отношению к тем, кто этим народом правит.

Я уже не говорю о таком факторе дестабилизации, как социальное недовольство, в том числе и недовольство, вызываемое “реформой” образования и её результатами. Социальная несправедливость нынешней “реформы” образования очевидна, она встроена в эту реформу, является одним из её моторов. И в этом плане “реформа” работает на рост недовольства и социальной напряжённости — в тем большей степени, что власть не реагирует, например, на массовые протесты общественности и профессионалов против ЕГЭ, не реагирует на требования общественности отрешить министра образования от занимаемой должности.

Как избежать эффекта бумеранга? Думаю, для начала в этом плане “реформаторы” образования должны покаяться. Рвануть тельник на груди, по-

клониться и сказать нечто вроде “Прости, народ русский. Бес попутал. Заморочили нам головы басурмане заморские. Не со зла делали, от помутнения и одурения”. И — повинную голову меч не сечёт. А в качестве конкретного предложения, которое должны сделать сами же деформаторы образования во искупление грехов, должно быть следующее: максимально широкое обсуждение Закона об образовании прежде всего профессионалами, специалистами, а не “манагерами за всё”, обсуждение, за которым должна последовать кардинальная переработка закона в интересах общества в целом, страны, нашего будущего. И это только первый шаг на пути исправления курса на разгром образования.

Ну а если нет, если будет продолжаться начатое, то, значит, движутся наши “реформаторы” образования по опасной дороге. И, как пел бард, “а в конце дороги той — плаха с топорами”. И хорошо, если в переносном, а не в прямом смысле. Впрочем, как говаривал блаженный Августин, наказания без вины не бывает. И да воздастся упорствующим в неистине — по закону, разумеется. Только по закону.